

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ LINGUISTICS & INTERCULTURAL COMMUNICATION

Научная статья
УДК 81'44

ЯЗЫК ВРАЖДЫ (HATE SPEECH) В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ X, ПОСВЯЩЕННОМ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОМУ КОНФЛИКТУ

Анастасия Иосифовна Дашевская

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
SPIN-код: 8298-8005, arago@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования некоторых аспектов языка вражды (hate speech) в дискурсе социальной сети X (Твиттер). Одними из разновидностей языка вражды являются делегитимизация и демонизация оппонента, а также стереотипизация, примеры которых проанализированы в статье. Кроме того, описаны некоторые отличительные особенности дискурса в рамках данного конфликта и сделан вывод об изменении данного дискурса в диахронии. Для исследования была выбрана социальная сеть X, поскольку она имеет значительный охват аудитории во всем мире, а формат сообщений в ней (микротексты ограниченного объема) позволяет изучить обширный и разнообразный языковой материал.

Ключевые слова: язык вражды, дискурс, антилокуция, демонизация, стереотипизация, делегитимизация, эвфемизм.

Original article

HATE SPEECH AS PART OF THE DISCOURSE IN THE X SOCIAL NETWORK DEALING WITH THE CONFLICT BETWEEN PALESTINE AND ISRAEL

Anastasia I. Dashevskaya

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia
SPIN-code: 8298-8005, arago@yandex.ru

Abstract. The article presents the results obtained during research into several aspects of hate speech in the discourse related to the current conflict between Palestine and Israel in the social network X (formerly Twitter). Hate speech has certain aspects, and the basic ones - delegitimization, stereotyping and demonization – are dealt with in the article, with examples for each aspect. Besides, some other features of hate speech specific for the conflict in question are analyzed, such as the use of euphemisms, word play and some nonverbal elements. The X network was chosen as a source of language material because it has worldwide coverage and readership, and its contributors live in diverse countries of the world. Besides, the main textual feature in X is the limited size of messages and comments, which encourages the contributors to be more brief and, therefore, expressive.

Keywords: hate speech, discourse, antilocution, demonization, stereotyping, delegitimization, euphemism.

Введение и постановка проблемы. Язык вражды (hate speech) стал неотъемлемой частью глобальной коммуникации. Это можно объяснить общим ростом напряженности в мире, миграционным кризисом, который испытывают многие страны, а также наличием вооруженных конфликтов, в которые вовлечены представители многих национальных и социальных групп. Принимая во внимание существенную роль, которую играют в современной глобальной коммуникации социальные сети, можно предположить, что именно они станут основной площадкой для развития

дискурса вражды. Можно также предположить, что основная часть такого дискурса осуществляется на английском языке, поскольку им в той или иной степени владеет значительная часть жителей планеты.

Целью проведенного исследования стало изучение дискурса с применением элементов языка вражды на материале микротекстов, публикуемых в социальной сети X (ранее – Твиттер). Тексты этого рода представляют интерес для исследователя, поскольку данная сеть имеет значительную аудиторию во многих странах мира. Кроме того, поскольку исследование проводилось в течение шести месяцев, было проведен анализ данного дискурса в динамическом аспекте.

Методы и материалы исследования. Материалом для исследования послужили микротексты, которые являются основной формой дискурса в социальной сети X. Общение в данной сети строится согласно общему принципу социальных сетей: автор размещает текст на своей странице, после чего подписанные на этого автора пользователи комментируют текст. Для большинства комментаторов действует ограничение на объем текста комментария (280 символов), поэтому общение в сети X происходит в форме обмена микротекстами. Данная особенность этого типа дискурса представляет интерес, поскольку пользователи стремятся выразить свои мысли и мнения в сжатой форме. Благодаря этому авторы сообщений часто используют экспрессивную лексику и эллиптический синтаксис.

В рамках данного исследования были рассмотрены более 1000 комментариев к постам в сети X, посвященным новому витку палестино-израильского конфликта и опубликованным с июня по ноябрь 2024 года. Посты представляли собой новостные сообщения о различных событиях военного противостояния, авторы которых занимали позицию одной из сторон конфликта. Для исследования были выбраны аналитические посты блогеров с широкой аудиторией (более 1000 подписчиков). Значительная часть дискурса, посвященного данной теме, осуществляется на английском языке, поскольку конфликт затрагивает миллионы людей, принадлежащих к различным этническим группам, и английский используется в качестве языка-медиатора. В рамках исследования были изучены англоязычные комментарии, оставленные пользователями, не живущими непосредственно в конфликтующих странах (то есть жителями США, Канады, Австралии, Ирака, России, Великобритании, Египта, Турции и некоторых других стран).

Результаты и обсуждение. Термином «*язык вражды*» (hate speech) принято обозначать разновидность вербального поведения и других коммуникативных действий, которые умышленно «выражают сильную антипатию к какой-либо группе или к индивиду на основании принадлежности к какой-либо группе» по этническому, религиозному или половому признаку [Simpson, 2013: 703]. Язык вражды включает в себе идею о том, что поводом для неуважительного (презрительного) отношения к людям является их принадлежность к определенной, стигматизированной в определенных сообществах социальной группе. Считается, что целью участников коммуникации, использующих язык вражды, является унижение достоинства тех, против кого он нацелен, и снижение их статуса в глазах общества [Walrden, 2012: 5].

Американский психолог Гордон Олпорт ввел понятие «*антилокуция*», которое определяется как высказывание, построенное из элементов языка вражды (hate speech) [цит. по Гладилин, 2013: 145]. Дискурс вражды определяется как коммуникативные отношения противостояния в рамках политического контекста, участники которых могут состоять в них длительно [Фурсов, 2015: 28]. Коммуникация, построенная на предубеждениях и дискриминации (Prejudiced and Discriminatory Communication), часто основывается на стереотипных когнитивных схемах и дискриминационных интенциях по отношению к определенным социальным группам. Авторы сообщений-антилокуций, как правило, идентифицируют себя с определенной ингруппой (национальность, религиозное сообщество и т.д.) и, опираясь на ее явную или имплицитную поддержку, делают выпады против членов аутгрупп (представителей социальных групп, с которыми они себя не ассоциируют и которым себя противопоставляют). Язык вражды нередко присутствует в сообщении имплицитно, поэтому далеко не все антилокуции такого рода удаляются модераторами из комментариев в социальных сетях. К. К. Фурсов полагает, что в рамках дискурса вражды можно рассматривать отдельные подкатегории: дискурс дегуманизации, маргинализации, демонизации, модель образа врага, дискурс переписывания истории, а также модель «мы» - «они» [Фурсов, 2015], что соотносится с категоризацией ингрупп и аутгрупп. А. В. Гладилин выделяет также дискурс делегитимизации [Гладилин, 2013], в рамках которого ставится под сомнение легитимность какой-либо организации или социальной группы.

В 2008 году Совет Европы определил дискурс вражды как форму общественного поведения, направленного на эскалацию насилия и ненависти против определенной группы людей [Чупрына, 2021: 70]. Дискурс вражды строится на противопоставлении мы/они, наше/чужое, наши ценности/их ценности [Чупрына, 2021: 71]. Люди объединяются в ингруппы по различным признакам: национальность, этническая принадлежность и т.д.

По мнению А.Р. Тузикова, дискурс вражды строится по принципу концептуального квадрата Ван Дейка:

Emphasize positive things about Us

Emphasize negative things about Them

De-emphasize negative things about Us

De-emphasize positive things about Them [Тузиков, 2020].

Таким образом, антилокуции, основанные на принципах языка вражды, подчеркивают и делают более видимыми достоинства ингруппы и при этом делают акцент на недостатках аутгруппы. При этом нивелируются достижения (положительные качества) аутгруппы как сообщества. В рассматриваемом дискурсе соцсети X авторы микротекстов часто подчеркивают значимость ценностей ингруппы, к которой принадлежит автор исходного микротекста, и принижают значимость ценностей оппонента/представителя аутгруппы.

Информационным поводом для обширного дискурса вражды до сих пор являются активные боевые действия в рамках нового витка палестино-израильского конфликта. Текущая фаза противостояния началась 7 октября 2023 года, когда члены террористической группировки ХАМАС напали на посетителей музыкального фестиваля «Нова» и на приграничные израильские поселки. В результате теракта, по данным организации Human Rights Watch, погибли не меньше 1200 человек, из них 779 человек – гражданские лица; кроме того, 251 человек были захвачены в качестве заложников [Human Rights Watch]. Более ста мирных жителей, захваченных в заложники в тот день, пребывают в этом статусе до сих пор, спустя год. Эти события, как и последовавшая за ними военная фаза противостояния, спровоцировали широкую полемику в социальных сетях, которая активно продолжается в настоящее время.

В ходе исследования комментарии-микротексты были распределены по группам, соответствующим трем из разновидностей языка вражды: делегитимизации, стереотипизации и демонизации.

Делегитимизация [Гладилин, 2013: 145], или отказ группе в праве на существование в той категории, к которой она себя причисляет, наблюдалась практически во всех текстах. Согласно результатам проведенного исследования, делегитимизация стала основным оружием оппонентов с обеих сторон. Обусловлено это, как представляется, достаточно молодым, по меркам истории, возрастом современного государства Израиль, а также противоречивым отношением в мире (в основном, арабском) к его созданию. Известно, что Декларацией от 14 мая 1948 года, утвержденной ООН, на бывшей подмандатной британской территории Палестины было предписано создать два государства – еврейское и арабское. Однако Лига арабских государств не признала еврейское государство и практически сразу после провозглашения государства Израиль начала против него войну [Britannica]. В результате в настоящий момент в мире есть страны, не признающие как Палестину, так и Израиль. Палестинское государство официально признано 147 государствами-членами ООН из 193 [ООН]. Существование Израиля отрицают как минимум 18 стран-членов Лиги арабских государств.

Это противоречие отражается в рассматриваемом дискурсе. Палестина в подавляющем большинстве (не менее 90%) произраильских текстов называется Газой (хотя Газа является лишь частью территории Палестины), таким образом подтверждается нежелание не только израильтян, но и сочувствующих им жителей других стран признавать существование Палестинского государства. В подавляющем же большинстве текстов пропалестинской группы Израиль называется Палестиной с цитируемой делегитимизирующей фразой *free Palestine from the river to the sea*. К делегитимизирующей лексике, как представляется, можно отнести и частые (не менее 70% пропалестинских микротекстов) упоминания «израильской оккупации» Газы. На момент начала вооруженного противостояния (октябрь 2023 года) израильских войск и поселений в Газе не было (Израиль полностью вышел из Газы в 2005 году [Britannica]).

Одним из атрибутов языка вражды считаются слова-этнофолизмы – экспрессивные этнонимы с отрицательной коннотацией. В сообщениях произраильской группы этнофолизмы встречались несколько чаще (на 20%), чем в сообщениях пропалестинской группы (e.g. Fakestine, falloistine, palistain). В пропалестинских текстах также используются этнофолизмы (e.g. pissrael); кроме того, название государства Израиль либо пишется со строчной буквы, либо с намеренными искажениями (israel, isreel).

Стереотипизация (гиперболизация одних черт и нивелирование других) является еще одной отличительной чертой изучаемого дискурса. Взаимная стереотипизация образов как израильтян, так и палестинцев продолжается десятилетиями. Мария Еленевская и Лариса Фиалкова в 2004 году провели исследование на основании интервью с репатриантами из стран бывшего СССР и анализ арабских СМИ того же времени. Результаты исследования показали, что «образ врага» формировался у обеих наций десятилетиями [Yelenevskaya, 2004: 80]. За это время как в иврите, так и в арабском языке появились эвфемизмы для представителей нации-«антагониста»; один из примеров – ироничное выражение «наши кузены», применяемое в отношении арабов как в иврите, так и в русском языке репатриантов. При этом важно отметить, что отношение израильтян к израильским арабам за прошедшие 20 лет изменилось в положительную сторону, в том числе потому, что многие из них осудили события 7 октября и воюют в рядах Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ). Таким образом, неприязненное отношение израильтян направлено сегодня против жителей сектора Газа и находящейся у власти в автономии группировки ХАМАС.

Одной из целей настоящего исследования было выявление новых стереотипов, возникших в ходе событий последнего года. Однако исследование микротекстов не выявило формирования принципиально новых стереотипов; скорее, сформированные ранее стереотипы укрепились в сознании противоборствующих групп. Стереотип *Israelis are Nazis* встречался в подобном дискурсе и в предыдущие годы, хотя и относительно редко, но за год эскалации конфликта получил новое подкрепление. Стереотип *all Palestinians are terrorists* также возник достаточно давно, но события 7 октября закрепили его в сознании определенных групп людей. Стереотип *Israelis are occupants* является, пожалуй, самым устойчивым, поскольку для его формирования были реальные основания, а именно – израильская оккупация части территорий, ранее принадлежавших Палестине, в качестве буферных зон. В рассматриваемом дискурсе он не претерпел значительных изменений.

Демонизация представляет собой технологию формирования общественного мнения посредством создания образа врага как агрессора, представляющего собой угрозу и преследующего только разрушительные цели. Демонизация направлена на создание устойчивого стереотипа о группе, идеологии или целом государстве, а также на внушение ненависти к врагу [Фурсов, 2015]. Демонизация в изучаемом дискурсе выражена не менее ярко, чем делегитимизация. В изученных примерах этот прием несколько чаще встречался в пропалестинских микротекстах и выражался, прежде всего, в наименовании израильтян нацистами (орфография оригинала здесь и далее сохранена): *So what is the real number of civilians killed by you Nazi? Israel is lost to fascism* и террористами: *Israel is a terrorist state that needs to be wiped out of the face of the earth*

Кроме того, пропалестинские комментаторы чаще, чем произраильские, стремятся приписать оппоненту преступления, не подтвержденные документально: *No actually – all the death and birth data is directly transmitted to the Zionist rapist colony... [Bill Maher] is morally corrupted individual.*

I bet that if you dig deep in his history, you'll find hidden rapes...

So he has no room to speak on Palestinians who are fighting barbarism for their freedom.

Who did you steal the house from? (комментарий к изначально нейтральному посту произраильского блогера, опубликовавшему фото своего дома в квартале Ямин Моше в Иерусалиме).

Действия Израиля определяют как геноцид подавляющее большинство пропалестинских комментаторов (не менее 90%): *Don't apologize for your tipo apologize for your lies and genocide support.* Однако обвинения оппонентам в геноциде выдвигают и произраильские комментаторы: *Anyone who supports terrorists and/or a supposedly "free Palestine from the river to the sea", which is really a call for GENOCIDE against 10 million Israelis...*

По мнению О. В. Чупрыны, для дискурса вражды характерен акцент на отрицательных действиях чужих (rape, murder, kidnap) и «правильных», героических своих (save, rescue, defend, fight back) [Чупрына, 2021]. В рассмотренных примерах мы видим подтверждение этого тезиса.

Необходимо отметить, что за последние годы произошла эволюция понятия «сионизм», в силу которой изменилась семантика обозначающего его термина, и он стал восприниматься как пейоративный. Изначально сионизм представлял собой (и таковым является и по сей день) движение евреев за воссоздание еврейского государства на исторической земле. Однако в последнее время значение этого термина претерпело столь значительные изменения, что 24 сентября 2024 года Колумбийский университет (США) внес изменения в свои антидискриминационные директивы. Согласно этому документу, слово «сионист» теперь воспринимается как уничижительное и расценивается как оскорбление [Haaretz]. Примеры, подобные этому (*zionism is the cult of the devil*), встречались в изучаемых текстах не менее 20 раз.

Помимо этих доминирующих категорий, язык вражды в описываемом дискурсе представлен в форме аналогий (*Today's Nazi Germany is Zionist Israel and Hitler is Netanyahu. There is no difference*), аллюзий (*If you don't have the facts, pound the table*), метафор (*Another remark from the peanut gallery. Is your IQ your shoe size*) и образных сравнений (*You are lower than dirt*) оскорбительного характера в отношении интеллектуальных способностей и морально-этических качеств собеседника, которые в равной степени встречались в текстах обеих исследуемых групп.

Встречалось использование эвфемизмов не с целью завуалирования неприятных реалий, а наоборот, акцентирования внимания на них. Это можно было наблюдать в микротекстах израильских комментариев, посвященных уничтожению лидеров «Хезболлы» и «ХАМАС». Явный пейоративный посыл таких текстов позволяет причислить их к языку вражды: *...glad the boys and girls of the IDF [Israel Defense Forces] unalived him*.

Интересную подгруппу в рассматриваемом дискурсе представляли антилокуции, полностью состоящие из эвфемизмов и дисфемизмов к понятию death. Ср.: *Fuad Shukr is no more. He has ceased to be. He's expired and gone to meet his maker. Bereft of life, he's kicked the bucket, shuffled off his mortal coil and joined the choir invisible. He's an ex-terrorist!*

Читатели и комментаторы, хорошо знакомые с британской языковой культурой, распознали в этом тексте не только эвфемизмы (и дисфемизм *to kick the bucket*), но и интертекстуальную отсылку к скетчу комедийной группы Monty Python *Dead Parrot*. В последующих комментариях авторы соревновались в красноречии, добавив не менее 50 таких эвфемизмов, группируя их при этом по структурному признаку:

A: to expire. To perish. To peg out. To push up the daisies...

B: dead as a doornail. Dead as a herring. Dead as a mutton...

A: to fine oneself without breath. To buy a farm. To head for the happy hunting grounds...

Автором первоначального комментария был британец; последующие комментаторы, поддержавшие тренд, как минимум знакомы с британской языковой картиной мира. Такое отношение к смерти человека, даже представителя противоборствующего лагеря, может быть расценено как кощунство в определенных культурах (например, в русскоязычном сообществе). Однако особое ироничное отношение британцев к смерти общеизвестно; подтверждением этому могут служить десятки комедийных сериалов на британском телевидении, обыгрывающих тему смерти (*Ghosts*, *Horrible Histories* и многие другие). Встречались, например, антилокуции на эту же тему с применением игры слов: *He now rests in pieces. He rests in piss*.

Кроме того, приблизительно 7% комментариев представляли собой невербальные антилокуции – например, карикатуры, изображающие представителей противоборствующих сторон и их лидеров в виде животных, которые считаются этой стороной нечистыми. Как представляется, невербальные антилокуции позволили авторам, недостаточно хорошо владеющим английским языком, выразить свои эмоции. Довольно часто встречались и креолизированные тексты, содержащие знаки нескольких семиотических систем. Одной из самых популярных антилокуций такого вида стали изображения пустой комнаты для совещаний с подписью «*Hezbollah leadership meeting right now*», а также изображения пустого музейного зала с подписью «*Palestinian Museum of National History*». Второй пример представляет собой делегитимизирующее высказывание.

Принимая во внимание стремительное развитие искусственного интеллекта в последнее время, можно задаться вопросом: являются ли авторами всех комментариев, содержащих элементы языка вражды, живые люди, или подобные антилокуции могли быть сгенерированы при помощи ИИ? Например, некоторые микротексты, подобные примеру ниже, выглядят несколько неестественно: *Inshallah one day the world will wake up and see what pissrael is doing. Disgusting country.*

Текст представляет собой набор антиизраильских стереотипов и распространенный в пропалестинском дискурсе оскорбительный этнофолизм. Текстов подобного рода, которые с большой долей вероятности можно считать сгенерированными ИИ, среди проанализированных микротекстов (как пропалестинских, так и произраильских) встретилось не более 5%. Представляется, что даже если часть антилокуций в рамках изучаемого дискурса были созданы искусственно, они все равно выполняют свою основную функцию: усиливать антагонизм между и без того враждующими группами людей.

Поскольку исследование проводилось в течение шести месяцев (с июня по ноябрь 2024 года), появилась возможность сделать некоторые выводы о диахронических изменениях в описываемом дискурсе вражды. Следует отметить, что за эти полгода комментарии в целом стали менее агрессивными и язвительными. Вряд ли это значит, к сожалению, что градус ненависти между двумя противостоящими группами участников дискурса снизился. Скорее всего, спад экспрессивности языка вражды (и некоторое снижение среднего количества комментариев под постами – приблизительно на 20%) можно объяснить общей усталостью людей от конфронтации и продолжающегося кровопролитного конфликта.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Подводя общий итог исследованию, хочется отметить, что язык вражды находится в прямой зависимости от ситуации, в которой он используется. В рассмотренном дискурсе основными элементами стали делегитимизация и демонизация противника, использование и укрепление ранее созданных стереотипов, ирония, языковая игра; кроме того, часто использовались этнофолизмы и иронические эвфемизмы. Спектр применения различных языковых средств зависел от степени владения авторами комментариев английским языком (например, эвфемизмы использовались носителями языка; участники дискуссии, для которых английский является иностранным языком, чаще использовали этнофолизмы и обценную лексику). Характерной особенностью дискурса вражды являются также невербальные и креолизованные антилокуции. Язык вражды стремительно меняется, поскольку обсуждаемые события вызывают эмоциональный отклик у очень многих людей, представляя в силу этого интересный материал для изучения. К перспективам исследования можно отнести также рассмотрение диахронических изменений в данном типе дискурса.

Список источников

- Гладилин, А. В. Язык вражды в традиционных и новых медиа / А. В. Гладилин. Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 144-153.
- Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/unispal/ru/history> (дата обращения 25.09.2024).
- Тузиков, А. Р. Идеология и идеологические технологии: теория и практики / А. Р. Тузиков. Казань: Отечество, 2020. 164 с. ISBN 978-5-9222-1445-2.
- Фурсов, К. К. Дискурс вражды: понятие и современные практики / К. К. Фурсов // Дискурс-Пи. 2015. №1. С. 25-30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-vrazhdy-ponyatie-i-sovremennye-praktiki/viewer> (дата обращения 26.09.2024).
- Чупрына, О. В. Компаративный подход в лингвистическом исследовании дискурса вражды / О. В. Чупрына. Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук. Москва: Издательство МГПУ, 2021.

- Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/event/Israels-disengagement-from-Gaza> (дата обращения: 01.12.2024).
- Britannica. History of Israel. – URL: <https://www.britannica.com/place/Israel/Establishment-of-Israel> (дата обращения: 01.12.2024).
- Haaretz 2024-09-24 Columbia University Update Guidelines: Zionism as Pejorative Term Classified as Harassment. – URL: <https://www.haaretz.com/us-news/2024-09-24/ty-article/.premium/columbia-university-updates-guidelines-zionist-as-a-pejorative-classified-as-harassment/00000192-246a-d815-a393-7e7e6c1a0000> (дата обращения 27.09.2024).
- October 7 Crimes against Humanity, War Crimes by Hamas-led Groups. Human Rights Watch official website. – URL: <https://www.hrw.org/news/2024/07/17/october-7-crimes-against-humanity-war-crimes-hamas-led-groups> (дата обращения 21.09.2024).
- Simpson, R. M. (2013) Dignity, harm, and hate speech. *Law and Philosophy*. 2013, 32 (6): 701-728.
- Waldron, J. (2012) *The harm in hate speech*. Harvard University Press.

Yelenevskaya, M. N. (2004) My poor cousin, my feared enemy: the image of Arabs in personal narratives of former Soviets in Israel / M. N. Yelenevskaya, L. Fialkova. *Folklore*, 115 (1): 77-98.

References

Britannica. History of Israel. – URL: <https://www.britannica.com/place/Israel/Establishment-of-Israel> (data obrashheniya: 01.12.2024).

Britannica. Israel's Disengagement from Gaza. – URL: <https://www.britannica.com/event/Israels-disengagement-from-Gaza> (data obrashheniya: 01.12.2024).

Fursov, K. K. (2015) Diskurs vrazhdy: ponyatie I sovremennye praktiki [Discourse of hate: general concept and modern practices]. *Diskurs-Pi*. 1: 25-30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-vrazhdy-ponyatie-i-sovremennye-praktiki/viewer> (Date: 26.09.24). (In Russ.)

Gladilin, A. V. (2013) Yazyk vrazhdy v traditsionnykh I novykh media [Hate speech in traditional and new media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 21 (312). Filologia. Iskusstvovedenie [Philology and Art History]. Issue 80 : 144-153. (In Russ.)

Haaretz 2024-09-24 Columbia University Update Guidelines: Zionism as Pejorative Term Classified as Harassment. – URL: <https://www.haaretz.com/us-news/2024-09-24/ty-article/.premium/columbia-university-updates-guidelines-zionist-as-a-pejorative-classified-as-harassment/00000192->

246a-d815-a393-7e7e6c1a0000 (data obrashheniya: 27.09.2024).

Human Rights Watch official website. October 7 Crimes against Humanity, War Crimes by Hamas-led Groups. URL: <https://www.hrw.org/news/2024/07/17/october-7-crimes-against-humanity-war-crimes-hamas-led-groups> (data obrashheniya: 12.11.2024).

Simpson, R. M. (2013) Dignity, harm, and hate speech. *Law and Philosophy*, 32 (6). 701-728.

Tsupryna, O. V. (2021) Komparativny podkhod v lingvisticheskom issledovanii diskursa vrazhdy [Comparative approach in linguistic studies of hate discourse]. *Yazyk I literature v problematike sovremennykh gumanitarnykh nauk* [Language and literature in the problematics of modern humanities]. Publishing house of the Moscow State Pedagogical University. Moscow. (In Russ.)

Tuzikov, A.R. (2020) Ideologiya I ideologicheskie teorii I praktiki [Ideology and ideological theories and practices]. *Kazan. Otechestvo*: 164. ISBN 978-5-9222-1445-2. (In Russ.)

Waldron, J. (2012) *The harm in hate speech*. Harvard University Press.

Yelenevskaya, M. N. (2004) My poor cousin, my feared enemy: the image of Arabs in personal narratives of former Soviets in Israel / M. N. Yelenevskaya, L. Fialkova. *Folklore*, 115 (1): 77-98.

© Дашевская А.И., 2025

Информация об авторе:

Анастасия Иосифовна Дашевская – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Москательный пер., д. 4, Санкт-Петербург, Россия, 190005. Автор 13 научных публикаций. Сфера научных интересов: история английского языка, современные тенденции в развитии английского языка, профессиональная лингводидактика, микротексты, тексты жанра fanfiction.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 10.12.2024; принята после рецензирования 21.12.2024; опубликована онлайн 11.02.2025.

Information about the author:

Anastasia I. Dashevskaya – Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University of Economics, Moskatelny per. 4, St. Petersburg, Russia, 190005. Author of 13 scientific publications. Research interests: history of English language, modern trends in the development of English language, professional linguodidactics, microtexts, fanfiction texts.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 10.12.2024; adopted after review 21.12.2024; published online 11.02.2025.